

Читайте в серии!

Звёздочка моя!

- Четверо детей и чудище
- Девчонки и любовь
- Девчонки и мода
- Девчонки и прогулки
допоздна
- Всё самое плохое о моей
сестре
- Девчонки и слёзы
- История Трейси Бикер
- Опасная игра
- Трейси Бикер –
суперзвезда!
- Лили сама по себе

ЖАККИ УУЛСОН

Лили сама
по себе

Мировой бестселлер для девочек

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44
У36

Jacqueline Wilson
LILY ALONE

Text copyright © Jacqueline Wilson, 2011
This edition is published by arrangement with David Higham
Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency.

Оформление серии *Галины Булгаковой*

Иллюстрация на обложке *Валентины Яскиной*

Иллюстрации *Виктории Тимофеевой*

Уилсон, Жаклин.

У36   Лили сама по себе : повесть / Жаклин Уилсон ; [пер. с англ. И.А. Шишковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Жаклин Уилсон. Мировой бестселлер для девочек).

ISBN 978-5-699-74212-7

У Лили есть две младшие сестрички и брат, а еще непутевая мама. Все они вносят страшную суматоху в жизнь девочки, и она часто мечтает, как было бы здорово вырасти, поселиться одной в большом красивом доме и не решать ни чьих проблем. Но мечты мечтами, а сейчас Лили приходится вести самую настоящую взрослую жизнь, ведь мама уехала в отпуск и дети остались на ней. И вот Лили приходит в голову идея — почему бы до маминого возвращения им всем не пожить в парке? Вот это будет приключение! Как в ее любимых книгах! Но только в книжках все всегда заканчивается хорошо, а чем закончится ее история?

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-74212-7

© Шишкова И.А., перевод на русский
язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

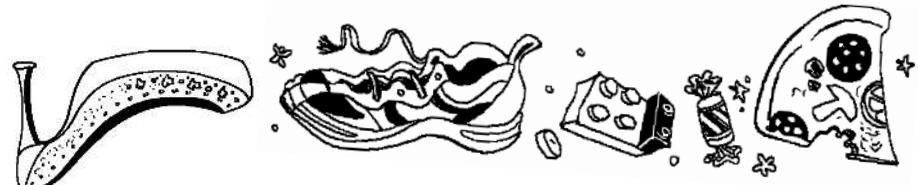
ГЛАВА 1

Это я виновата. В пятницу вечером, еле уместившись на диване, мы все смотрели очередную серию фильма «Улица Коронации»¹. Ну, скажем, никто из нас толком её и не смотрел. На подлодочнике на корточках примостилась Пикси и, размазывая вокруг рта томатный соус, лопотала, что у неё такая же помада, как у мамы. Моя самая младшая сестрёнка могла бы побить мировой рекорд, если бы как пугай повторяла одно и то же. Ей три года, и она трещит без умолку, хотя в основном болтает чепуху.

Блесс, другой моей сестрёнке, шесть лет, но она почти всё время молчит. В тот вечер она лежала на спине на диване, теребя свои длинные белёсые волосы и прижимаясь лицом к плюшевому мишке. Под боком у неё была припрятана люби-

¹ «Улица Коронации» — британский телесериал Тони Уоррена, вышедший в 1960 г. В настоящее время снято более 8000 серий.

мая книга сказок. Бэкстер, её брат-близнец, нелепо завывая, подражая рёву гоночной машины, катал по её ногам спичечный коробок.

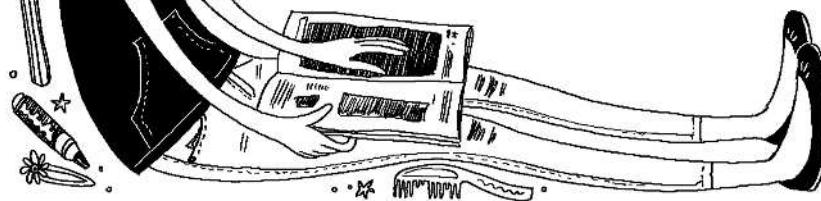

Я листала страницы одного из маминых журналов, гадая, каково это — быть богатой и знаменитой, и пытаясь разобраться, на месте какой из знаменитостей мне хотелось бы оказаться. Отнестись к ним всерьёз было трудно, потому что им всем успели подрисовать густые усы. Наверняка это Бэкстер поработал своей синей шариковой ручкой.

Мама была единственной среди нас, кто действительно сидел и смотрел на экран. Но я знала, что она не следит за тем, что происходит с персонажами фильма. Она не поменяла позы, когда пошла реклама. Так и сидела, подперев рукой подбородок и уставившись в никуда большими, ничего не выражаящими глазами.

— Мам? — слегка толкнув, окликнула её я. — Мам, с тобой всё в порядке?

— Да.

— По твоему виду не скажешь.

— Ах, Лили, помолчи, — устало ответила мама.

С тех пор как умер Пол, она всегда притворялась усталой. У неё совсем не было сил ни вставать по утрам, ни ложиться спать ночью. Не было сил идти на работу в столовую и потом, когда она её потеряла, трудно было искать другую. Она просто сидела дома, уставившись в пространство, и курила.

Я заставила её пойти к врачу, потому что страшно за неё волновалась. Он выписал ей таблетки от депрессии. И сказал, что какое-то время погоревать, когда ты только что потеряла мужа, вполне естественно. Я этого не понимала. Когда Пол был рядом, он не очень нравился маме. Он не нравился никому из нас, даже Пикси, а ведь он был её отцом. Он либо кричал и распускал руки, даже маме доставалось, либо, отключившись от всего на свете, тупо лежал на диване в своих нелепых брюках, жилете и носках. А ещё нам не разрешалось сидеть на собственном диване при нём. Мама бормотала, что он её большая ошибка и только место зря зани-

мает. Говорила, что, когда дело касается мужчин, вкус её всегда подводит. Вот этого я никак не могла понять. Без мужчины рядом она превращалась в зомби и вела себя так, словно вот-вот наступит конец света.

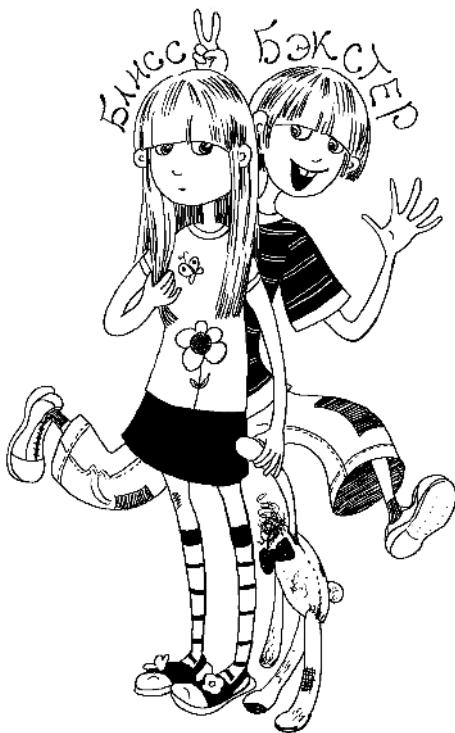
Я не могла на неё смотреть в подобном состоянии — такую неухоженную, в спортивных штанах и бесформенной футболке. Мама, если бы захотела, могла выглядеть великолепно, лучше любой модели из журнала. Когда она наряжалась, чтобы куда-нибудь выйти, у меня сердце замирало — так она была хороша. Вот поэтому и сказала:

— Мам, почему бы тебе не пойти куда-нибудь?
— Что?
— Давай сходи в «Фокс», повидайся со старыми друзьями!

«Фокс и хаундз»¹ — это паб через дорогу от нашего дома. Около него есть садик, и летом мы с братишкой и сестрёнками часто торчали там с мамой и Полом, а до этого с Мики, отцом Бэкстера и Блисс. Мама говорит, что она брала меня с собой и когда мы жили только с ней вдвоём. Она привозила меня в коляске, и я, очень всем довольная, сидела, похрустывая чипсами. Мама вспоминала, что я всегда была спокойной малышкой. Со

---

¹ «Лиса и гончие» (англ.) — название паба.

мной у неё было вдвое меньше проблем, чем с Бэкстером и Блисс. А уж Пикси не ребёнок, а сущий кошмар — и двух минут не может спокойно пропасть в коляске, выгибает спину и орёт, когда ты пытаешься её туда засунуть.

— Не говори ерунды, Лили. Я не могу пойти в «Фокс» — не брать же мне вас с собой!

— Я и не говорю. Я только хотела сказать: иди туда одна. С малышами будет всё в порядке, я за ними присмотрю.

Покусывая ногти, мама взглянула на меня:

— Правда?

— Да, конечно.

Мама продолжала грызть ногти, волосы лезли ей в глаза... Я понимала, что она обдумывает моё предложение. Она сто раз оставляла на меня малышей, когда ей нужно было пойти на почту, или в газетный киоск, или в бар (хотя за рыбой с картошкой она посыпала меня).

— Вечером мне не стоит оставлять вас одних, — сказала мама.

— Но оставляла же, когда начала встречаться с Полом, — напомнила я ей.

— Да. Но не надо было этого делать. К тому же я уходила, когда вы уже крепко спали.

— Я уложу малышей. Всё равно я почти всегда укладываю их спать.

— Я знаю. Ты хорошая девочка, — пробормотала мама и, перегнувшись через Бэкстера с Блесс, погладила меня пальцем по щеке. — Иногда я забываю, что ты маленькая.

— Я не маленькая! Мне одиннадцать лет. Для своего возраста я взрослая!

— Да, ты часто ведёшь себя как маленькая ста-рушка. Я тебя люблю, Лили.

— Я тебя тоже люблю, мама. Давай, иди приоденься! С нами всё будет хорошо.

— Ну разве что выпить один стаканчик для настроения?

— Давай иди!

Мама улыбнулась, прямо как Пикси, когда ей покупают мороженое, и умчалась в свою комнату. Пикси поковыляла за ней. Ей нравилось смотреть, как мама прихорашивается.

— Что, мама уходит? — спросил Бэкстер, проезжая мне по лицу своей «машинкой».

— Прекрати! — огрызнулась я. — И отдай мне спички! Ты же знаешь, что играть с ними опасно!

— А я и не играю со спичками. Я играю с котом. Значит, можно будет лечь спать попозже? И посмотреть какой-нибудь фильм, да?

— Только не страшный, — сказала Блисс, сворачиваясь клубочком.

— Не страшный, — пообещала я, хотя найти такой было трудно. Блисс трясёт даже от мультика «Вверх». Я думаю, это у неё из-за собак. У Мики, её отца, была немецкая овчарка Рекс. Он не был свирепым, как рottweiler или питбуль, но даже маленьkim щенком порой вёл себя агрессивно. Рекс выглядел так мило и забавно, что Блисс относилась к нему как к одному из своих мишек и однажды попробовала его нарядить. Рексу это надоело, и он её укусил. Слегка, но так, что у неё на руке выступила кровь. И после этого случая она стала бояться собак.

— С тобой скучно, Блисс! Я хочу посмотреть страшный-престрашный фильм, — сказал Бэкстер. — Давайте поставим фильм про вампиров, а потом в них превратимся и будем кусаться!

И он притворился, будто хочет укусить Блисс в шею. Та завизжала, словно у неё из шеи и вправду полилась кровь.

— В чём дело? — спросила мама, выглянув из-за двери. Она подвела карандашом один глаз и наложила тени, но второй ещё не накрасила, поэтому глаза у неё казались разной величины. — Они не хотят, чтобы я уходила, да?

— С ними всё в порядке, мам. Они просто шалият. Замолчите, вы оба! — Я запустила подушкой

в Бэкстера с Блисс. — Вы же хотите, чтобы мама вышла из дома и немного повеселилась, ведь так? Ну, хотите? — спросила я, легонько пиная их ногами.

— Да, Лили, — ответила Блисс, прикрыв руками воображаемую ранку на шее.

Я пихнула Бэкстера, на этот раз посильнее, положив руку на его спичечный коробок.

— Да, иди, мама, — пробубнил он, вырывая у меня свою «машинку».

— Ну ладно, пойду, — сказала мама. — Ты присмотришь за ними лучше меня, Лили. Когда-нибудь из тебя выйдет замечательная мама.

А вот и нет, а вот и не выйдет! Никогда не стану матерью! Не буду жить ни с одним мужчиной и кучей детей, которые всё время вопят. Не выношу всех мужчин, кроме мистера Эбботта, нашего учителя. Я бы ничего не имела против брака с мистером Эбботтом, но мама говорит, что такие мужчины не женятся. Если мне не удастся заполучить мистера Эбботта, никто другой мне не нужен.

Заработкаю кучу денег и буду жить одна в большом красивом доме. Никто не будет кидать игрушки на пол, или проливать сок на ковер, или стучать кулаком по телевизору, пока тот не сломается. Мой дом будет чистым, как дворец. Его снимки поместят во всех журналах, и маленькие девочки будут их вырезать и вклеивать в свои альбомы, потому что мой дом будет по-настоящему красивым. Я сама его спроектирую. Вот так я заработкаю кучу

денег. Стану знаменитым дизайнером по интерьеру и буду вести свою телевизионную программу.

Я пошла искать бумагу для рисования, решив начать тотчас же. Бэкстер с Блисс тоже хотели порисовать, но в старом альбоме остался только один лист.

— Это мой альбом, — сказала Блисс, что было истинной правдой. Среди прочих подарков на Рождество ей подарили альбом и толстые мягкие мелки.

— Да, и ты сможешь порисовать мелком на картонной обложке, там лучше всего получается, — солгала я.

— А как же я? — спросил Бэкстер, вырывая альбом у меня из рук.

— Я думала, тебе нравится рисовать в журналах. Почему бы тебе не подрисовать всем моделям не только усы, а ещё и бороду?

И Бэкстер отчаянно заработал ручкой, украшая каждую знаменитость густой бородой и волосами по всему телу. Блисс изобразила мелом большой розовый куб с торчащими из него маленькими проволочками, подрисовав к нему ещё четыре таких же маленьких кубика. Она сказала, что это наш семейный портрет, и нам ничего не оставалось, как ей поверить.

Я села положив ногу на ногу, разложила перед собой драгоценный лист и стала проектировать дом своей мечты. Я нарисовала его в разрезе, чтобы были видны все комнаты. Я не ограничилась только

гостиной, кухней и спальней. Нарисовала студию с настоящим мольбертом и гончарным кругом, музыкальную комнату с пианино и ударной установкой, библиотеку, до потолка заставленную книжными полками, зимний сад, в котором среди цветов летали бабочки, и бассейн во всю длину подвала.

Пикси осталась наблюдать за мамой, и это было здорово. Когда мы рисовали, она становилась невыносимой. Ей не нравилось, что она ещё маленькая и не умеет красиво рисовать, и она вырывала у нас из рук ручки и мелки, калякая на наших альбомных листах всякую ерунду.

Наконец, впрыгнув в комнату на одной ножке, она закричала:

— Посмотрите на маму! Посмотрите на маму! Правда, она хорошенькая?

Мама выглядела чудесно: её длинные волосы были подобраны вверх, а на лоб спадали маленькие кудряшки. Глаза были подведены как у Клеопатры¹, а губы накрашены блестящей ярко-красной помадой. Она надела узкий розовый топ, из-под которого чуть выглядел красный лифчик, маленькую чёрную юбочку, чёрные колготки и её лучшие красные туфли на высоких каблуках.

¹ Как общепринято считать, моду подводить глаза для придания им особой выразительности завела царица Египта Клеопатра (69–30 гг. до н. э.).

